

К. Г. Паустовскому, некогда почитаемому, желанному в воспитанных кругах писателю, исполнилось бы 125 лет.

На первом курсе историко-филологического факультета читал я в Краснодаре его «Повесть о жизни». А годом раньше в Новосибирске, в избе у морозного окна, познавал писательские тайны в «Золотой розе», печатавшейся в журнале «Октябрь», хотя о писательской стезе даже подумать на миг счел бы недостойным. Взглянуть бы теперь на эту публикацию, но куда уж: журнал 1955 года затерялся.

Зато на балконе, на стенной полке, робко, даже как-то обиженно, дожидались много лет моего внимания «Книга скитаний» и «Время больших ожиданий» — очень давние издания, которые береглись мною как свидетели моих увлечений Паустовским в студенческие годы. Потом я поостыл к нему.

Сказал при первой встрече Твардовскому, и тот мое охлаждение тихо одобрил.

Нынче по случаю юбилея писателя положил их у подушки и перед сном полистал.

* * *

Все заметнее и заметнее, что художественная литература оттеснилась в угол, как что-то лишнее, без чего можно жить даже в так называемом культурном мире, а вместо Пушкина, Тургенева, Бунина, Чехова, Шолохова, Шукшина, Белова и Распутина проще, если уж на то пошло, захватить в сумку с продуктами Маринину, Донцову или какую-нибудь Дашкову и заглянуть в текст после разгадывания сканворда. Но не только примитивная публика потеряла интерес к изящной словесности. Не лучше выглядит упоминаемый в речах начальства «цвет нашей культуры»: ученые, филологи, преподаватели школ и вузов, министерские дамы и господа, артисты, журналисты и др. Все меньше почтения к юбилейным писательским датам, все оплошнее, торопливее пишут о классиках (зачастую выгребают факты и оценки из Интернета). И все острее чувствуют хорошие писатели, что они не нужны.

Их мимоходом наделяют самыми лестными эпитетами (порою ради красного словца и только, не читая ни строчки), награждают орденами и

званиями, приглашают на важные мероприятия, на почетные трапезы, но вынужденная служебная суета не может затмить возникшее после переворота идейное равнодушие к искусству и литературе, к недавно царствовавшим «задачам по воспитанию масс». Уже двадцать пять лет такая советская задача высмеивается.

Повлияло, конечно, и многое другое (технологии в средствах коммуникации).

Тот, кто любил читать книги, помнит, как следили за новинками, ценили «блат» в книжных магазинах, как ожидали повестей и романов, обещанных известными писателями, с каким любопытством ходили на встречи с писателями в клубы и на телестудию в Останкино.

Начальство мало читало, плохо разбиралось в тонкостях, чересчур сторожило идейность, но все-таки насчет того, «кто есть кто», не заблуждалось, прислушивалось к гражданскому гулу в обществе.

Нынче все бывшие общественные отношения покрылись пустотой.

И нет у меня никакой корысти «наводить порядок» там, где при теперешних безыдейных условиях, при разрушении Пальмиры чуть ли ни с согласия всего мира, при голливудском расчете, кровавой жестокости и коммерческой бесчеловечности нет быстрой надежды на прежние старания служить красоте.

Книг появляется уйма, больше, чем раньше, но библиотеки никогда не очищались так густо, и во дворах нельзя было обнаружить у мусорных баков собрания сочинений К. Федина, К. Симонова, В. Закруткина, М. Пришвина и К. Паустовского.

В газетах исчезли «Литературные страницы». Закрылась краевая газета «Литературная Кубань» — как никому не нужная. Теперь не найдется студент, который бы караулил у киоска свежий номер «Литературной газеты» или номер журнала «Октябрь» с повестью К. Паустовского «Время больших ожиданий».

Что-то случилось каверзное в нашей самой читаемой стране.

Раньше самое маленькое явление в литературе замечалось, порою затевался скандал.

Помимо московской квартиры, у Паустовского был дом в знаменитой Тарусе. В 1961 году

солидность писателя, выпустившего собрание сочинений в семи томах, повлияла на калужское партийное начальство, и в Калуге вышел просторный амбарный альманах «Тарусские страницы», который не все успели заказать и купить. Тихое шипение поволоклось по общественным кругам, Паустовский вместе с авторами (В. Максимовым, Б. Окуджавой, Ю. Казаковым и др.) попал в разряд виноватых. Нынче в юбилейные дни никто и не вспомнил об этом. Простенький тот альманах подсказывает теперь, какая славная тоска по чтению жила в народе. И чем все кончилось?

«Можно не сомневаться в том, — пишет «Литературная газета» в юбилейные дни писателя, — что все русские люди, точнее, все те, кто изучал русский язык в школе, читали Паустовского».

Это было давно. Много, как говорится, воды утекло. Не так интересен и глубок оказался Паустовский, но и вовсе другим народился после его смерти читатель. Нет и того почтения к литературе, которого наше поколение еще не забыло.

От Паустовского мысль стягивается к провинциальной кубанской литературе, несравнимой с российской, но все-таки существовавшей на официальном и народном учете.

Отчуждение памяти о чем-то некогда значимом стало поветрием нового стиля жизни, заблуждением легкого ума.

Разве можно выкидывать в забвение саму литературную жизнь на Кубани всех послевоенных лет? Разве не было в ней достойных или старательных имен? Почему в круглые поминальные даты писателей не воскрешают ни одной строкой?

Ни разу не отметили дату Г. А. Федосеева. Исполнялось ему 100 лет. На Дальнем Востоке, в Новосибирске, напомнили обществу, на его родине — на Кубани — упустили из виду. Его следопытские книги «Злой дух Ямбуя», «Мы идем по Восточному Саяну», «Смерть меня подождет», «Пашка из Медвежьего лога» и др. выпускались в советские годы миллионными тиражами в разных издательствах страны и за рубежом (в Европе, в Америке, в Канаде). Он родом из станицы Кардоникской. После его смерти в 1968 году на Кубани его книги не переиздавались.

В ознаменование юбилейных дат — 50-, 60- и 70-летий Победы над Германией покойные писатели-фронтовики С. Маркосьянц, П. Иншаков,

Г. Соколов, В. Монастырев ни разу не удостоились печатных почестей: их повести и романы тлеют, словно в гробах, в запасных отсеках библиотек (а может, уже и вычищены в периодических сортировках). После присоединения Крыма в самый раз бы утвердить родное чувство памятью о сражениях за Севастополь — книга Г. Соколова так и называется: «Нас ждет Севастополь». Печально думать, но никуда от этого не денешься: ныне здравствующий 91-летний фронтовик, известный наш писатель Л. М. Пасенюк четверть века издавал свои книги за... собственный счет! Тиражом 300, 500 экземпляров. И никому из тех, кто официально славил патриотизм и «родную культуру», не было стыдно.

А еще были на кубанской земле кое-какие имена в старину. И непростые.

В какой раз приходится сердито укорять номенклатурную общечеловечность, во дни всяких мероприятий бьющую поклоны казачьему величию: да что же вы так отпали от родства и даже к 200-летию не повернулись к атаману Кубанского казачьего войска, первому писателю, другу Т. Шевченко Я. Г. Кухаренко и не преподнесли потомкам солидный том его сочинений и переписки?!

Все-таки пора встревожиться и признать: что-то произошло за демократические годы неприятное и опасное, какое-то отступничество от нажитых культурных благ закралось в наш сотово-интернетный быт, куда-то повлекло нас в плохую сторону.

Потому и К. Паустовский принижен до земли, и хрестоматийный И. С. Тургенев, которому исполняется 200 лет, проскочит на одно мгновение по телеящику и забудется как ненужный, устаревший, «неприкольный».

И что же? Неужели мы только тосты будем произносить за столами, созывать массы на вареники и пельмени, петь, плясать и читать отчеты в газетах об удавшихся праздниках?

А кто будет книжки читать?

2017–2018 гг. ■